

9. Новиков В.С. Инновации в туризме: Учеб. пособие \ В.С. Новиков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 208 с.
10. Организация инновационного развития сельского бизнеса в регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 292 с.
11. Клицунова В.А. Сельский туризм: основные условия и принципы, обеспечивающие устойчивое развитие \ \Материалы 3-ей Международной научно-практической конференции. – Смоленск: Издательство «Универсум», 2004. – с. 120-124.
12. Воскресенский В.Ю. Международный туризм: Учеб. пособие \ В.Ю. Воскресенский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 463 с.
13. Качмарек Я., Стасяк А., Влодарчик Б. Туристский продукт. Замысел. Организация. Управление. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 495 с.
14. Лашенко Н.С. К вопросу о разработке концепции развития сельского и агротуризма в российской провинции: экономический, социальный и социокультурный аспекты \ \ricu.ru
15. Herve-Marty F. Jourve R., etc. Des activities diverses: quatre temoignages d^acteurs de l^agrotourisme \Purpan – 2002. - № 198. – p.25-29.

Современная концепция столичного города и переносы столиц в глобальной перспективе

проф. Россман В.

*Международный Колледж по Изучению Устойчивого Развития,
Университет Шринакаринвирот, Бангкок
vjrossman@yahoo.com*

Аннотация. Переносы столиц представляют собой крупнейшие мегаинженерные проекты в истории человечества, которые также оказывают глубокое и многоаспектное влияние на политическую жизнь государств. Несмотря на то что различные проекты переноса столицы активно обсуждаются сегодня в более чем 30 странах мира, этот феномен остается недостаточно хорошо и систематически осмысленным как целостное явление. В статье рассматриваются модели подобных переносов, мотивации и формы принятия решений.

Ключевые слова: столица, перенос, город, глобализация, центр, периферия, экономика, политика

Переносы столиц представляют собой крупнейшие мегаинженерные проекты в истории человечества, которые оказывают также глубокое и многоаспектное влияние на политическую и социальную жизнь государств.

В XX веке наибольший резонанс получили переносы столицы Турции, Австралии, Индии, Пакистана, Бразилии, Германии, Малайзии и Казахстана. Проекты переноса столицы были осуществлены также во многих странах Африки, в том числе в Нигерии, Танзании, Малави, Ботсване и Ливии. Новые столичные города возводятся сегодня в Афганистане и в Объединенных Арабских Эмиратах. Интересные эксперименты и проекты в этой области также имели место в таких странах, как Бирма, Шри Ланка и Чили.

В настоящее время дискуссии о возможности и желательности переноса столицы, часто на самом высоком парламентском уровне, ведутся в более чем 30 странах мира. В числе этих стран Япония, Индонезия, Южная Корея, Иран, Таиланд, Китай, Тайвань, Монголия, Непал, Бангладеш, Аргентина, Венесуэла, Боливия, Египет. Идеи переноса столицы сегодня также обсуждаются в ряде стран Африки – Уганде, Экваториальной Гвинее, Либерии, Сомали, Кении и других. Планы переноса столицы возникали и обсуждались также в нескольких постсоветских государствах: в Украине, Таджикистане, Киргизии, Азербайджане, Грузии и Армении. В некоторых странах, где столица была перенесена сравнительно недавно, этот вопрос вновь оказывается сегодня на повестке дня. Так, например, в университете западной Австралии не так давно прошли дебаты, инициированные двумя австралийскими историка-

ми, о возможных преимуществах перемещения столицы из Канберры в Перт. С их точки зрения в этом направлении сегодня движутся основные тенденции развития страны, а центр экономической жизни постепенно смещается с Тихого в Индийский Океан [1].

С начала 90-х годов прошлого века полемика по поводу возможной смены столицы – чаще всего речь шла о переносе столицы на восток – периодически вспыхивала и в публичном пространстве России. В последние несколько лет дебаты по этому вопросу интенсифицировались и было выдвинуто множество кандидатур на роль новой столицы. Эти планы и идеи, во многом стимулирующиеся острыми проблемами перенаселенности и пробок в Москве, а также недостатками ее инфраструктуры, включали в себя как концепции нового административного города, так и гораздо более масштабные планы и задачи тотальной реконструкции страны. С переносом столицы связывалась политическая и экономическая переориентация государства, его новое географическое и геополитическое позиционирование, а также проведение широкомасштабных реформ – развитие урбанистической системы, децентрализация, федеративная реорганизация, создание новых полюсов экономического роста, а также программа «де-москвизации» России [2].

Несмотря на сравнительную распространенность планов и прецедентов переноса столицы, природа и рациональность подобного рода политических проектов остаются недостаточно хорошо и систематически изученными. Имеют ли все эти эксперименты единую систему мотиваций? В состоянии ли они решить те задачи, которые ставят перед собой правительства или правители тех государств, которые берутся за осуществление подобных проектов? Каковы результаты подобных планов с точки зрения достижения поставленных целей и задач и каковы долгосрочные последствия подобного рода проектов для экономики и политической жизни этих стран? Насколько существующие предложения и проекты отражают собственно политические и экономические соображения по стратегической реорганизации различных стран и насколько велик в них удельный вес спекуляций футурологов и тактических маневров политиков?

В урбанистической и политической литературе не сложилось консенсуса по поводу этих вопросов.

Для некоторых экономистов и политических обозревателей характерно негативное или чрезвычайно скептическое отношение к подобным проектам. Этот скептицизм связан прежде всего с тем, что переносы столиц только в редких случаях действительно способствовали разрешению поставленных задач – задач сбалансированного развития регионов, разрешения противоречий между различными этническими группами и создания новых точек роста в стране. В некоторых случаях такого рода прецеденты описывались как чрезвычайно дорогие ошибки или эксцессы авторитарных и тщеславных правителей. В этом же духе в свое время русский историк Карамзин назвал перенос столицы из Москвы в Петербург «блестящей ошибкой» Петра. Многим переносам столицы также приписывается скрытая повестка дня, связанная с достижением краткосрочных политических целей и утверждением политического господства за счет создания альтернативной базы лояльности в регионах с сильной политической поддержкой существующего режима или нейтрализацией оппозиции, которая часто сосредоточена в самых крупных городах страны.

Кроме того, тот факт, что страны, которые предприняли или предпринимаят подобного рода проекты, находятся в различных регионах мира, имеют различные политические режимы и существует значительный разброс в географических координатах новых столиц и в кандидатурах на эту роль, приводил некоторых ученых и обозревателей к выводу о тщетности поиска каких-то единых закономерностей, которые управляют этими переносами. На этом фоне возникло представление о том, что эти решения чаще связаны с произволом авторитарных правителей, чем с какими-то реальными закономерностями, которые в них отражаются.

Хотя подозрения скептиков, безусловно, имеют под собой реальные основания, тему переноса столиц вряд ли можно рассматривать исключительно с точки зрения экономиче-

ской рациональности или сводить к конспирологическим замыслам авторитарных правителей. Более внимательный анализ переносов столиц или планов такого рода указывает на некоторые общие тенденции. Ряд исследователей предложили более сбалансированные подходы к этому вопросу, обращаясь к сравнительной перспективе анализа. Такой подход к теме кажется более конструктивным, так как он позволяет выявить некоторые общие закономерности формирования наций и траектории развития национальных государств, а также некоторые общие мировые тенденции. Исследования этого рода пытаются извлечь конкретные уроки из мирового опыта переносов столиц, указывая на общее и особенное в этом опыте и избегая односторонних гиперкритических оценок и вердиктов. При этом эти исследования акцентируют вопросы, связанные с необходимостью тщательного планирования подобных проектов, сценариев и стратегий будущего развития [3]. Критически важным представляется не то, приветствуются подобные проекты или осуждаются, а то как принимаются и осуществляются эти решения, каковы механизмы достижения консенсуса по этому вопросу, как в этих решениях соотносятся элементы экспертной оценки и демократические механизмы принятия решения, каков интегративный потенциал новой столицы.

В этой связи интересно указать, например, на исследование канадского политолога Эдварда Шаца. Его интересуют переносы столиц не столько с точки зрения их желательности или нежелательности, сколько с точки зрения системы мотиваций и тех вызовов, на которые они пытаются ответить в контексте национального развития. Шац анализирует проект переноса столицы Казахстана в сравнительном ключе, выявляя некоторые общие закономерности формирования наций в различных географических и политических условиях [4]. При этом обсуждение вопроса выводится за рамки парадигмы «рационально-технических аргументов» и осуществляется в категориях понимания - нужд национального строительства и динамики развития национального государства и национального самосознания.

Другие исследователи этого вопроса также учитывали в своем анализе не только недавний опыт в этой области, но и историю развития мировых цивилизаций с точки зрения расположения и перемещения столиц. Они указывали на общие закономерности географического расположения столиц, характерные для многих транснациональных регионов мира, на различные фазы развития и зрелости урбанистических сетей в государствах с различными политическими режимами и находящихся на разных стадиях экономического развития [5].

Тем не менее большинство авторов обращались к примерам конкретных стран или к различным регионам мира, не пытаясь вывести каких-то общих глобальных закономерностей. Кроме того, исследователи столичной проблематики часто обсуждают тему с точки зрения конкретной дисциплинарной позиции и используют или подразумевают только один из методологических подходов в ее осмыслении, часто упуская из виду другие аспекты проблемы. Различные аспекты этой проблематики привлекали внимание историков, политологов, географов, экономистов, урбанистов, специалистов в области градостроительного проектирования, социологов, архитекторов и архитектурных критиков, специалистов в области систем транспорта и коммуникации и других областей знания. Некоторые из этих подходов опирались на перспективы пространственной экономики, геополитики, мир-системного анализа, центрографии, системно-динамический подход, теории полюсов роста, концепции умных городов, реляционную теорию и другие теоретические парадигмы. Такое многообразие методологических и дисциплинарных позиций при отсутствии единой теории создает некоторые сложности для понимания и анализа переносов столиц как особого класса политических событий. С этой междисциплинарной чересполосицей во многом связано и отсутствие серьезных и достойных монографических исследований этого вопроса.

В связи с этим в последние годы высказывались пожелания создания единой науки о столицах, где эти методологии и дисциплины могли бы интегрироваться для анализа столиц и их переносов [6]. Такая единая наука могла бы послужить основой для интеграции различных дисциплин, более всестороннего учета различных аспектов и параметров, сопряженных с переносом столицы, и стать основой для более конструктивного анализа возможностей и

рисков подобных проектов. Новая наука о столицах и столичности могла бы способствовать лучшему пониманию нормативного содержания и критериев эффективности столиц. В свою очередь анализ конкретных переносов столиц в истории мог бы способствовать лучшему пониманию тех императивов, которые включает в себя понятие столица с точки зрения конкретных государств.

В рамках статьи будет уместно лишь кратко остановиться на нескольких наиболее фундаментальных аспектах этой проблемы, которые связаны с мотивацией этих проектов и отражают глобальные тренды мирового развития.

Многие государства ставят одной из своих важных задач разделение политического и экономического центров государства. Совмещение в рамках одного города политической власти и экономического центра страны – особенно в условиях крупных по площади государств – может создавать множество конфликтов и часто ведет к сверхцентрализации страны. Практика переноса столиц во многих случаях была сопряжена с отказом от концепции «тотальной столицы» или города, доминирующего во всех сферах общественной жизнедеятельности, и созданию особой административной или политической столицы.

Хотя переносы столиц были важной частью государственного строительства на протяжении всей человеческой истории, в эпоху нового времени возникает система, несколько отличающаяся от предшествующих структур такого рода и построенная на иных принципах организации урбанистической сети. Впервые эта система появляется в США: ее возникновение было связано прежде всего с задачами национального строительства и балансом интересов южных и северных штатов. Эта система получила воплощение в различных формах и в других англосаксонских странах (Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Канаде). В этих постколониальных государствах столица была вынесена за пределы экономически доминирующего города страны – часто в специально построенные для административных функций города. Политический центр балансируется экономическим центром. Примеры такого рода демонстрируют Вашингтон и Нью-Йорк, Оттава и Торонто, Сидней и Канберра, Веллингтон и Окленд, Йоханнесбург и Претория.

Важным элементом этой системы служила, по-видимому, идея балансов и противовесов, попытка разделения и уравнивания экономической и политической власти и – в некоторых случаях – особая концепция административного города. Мотивом переноса здесь служила также необходимость заключения компромисса между частями страны (франкофонами и англосаксами в Канаде, Мельбурном и Сиднеем в Австралии, Южным и Северным островом в Новой Зеландии, бурами и англосаксами в Южной Африке, северными и южными штатами в США). В силу ряда обстоятельств, связанных с особенностями исторического развития, подобная же децентрализованная система сложилась в таких странах, как Швейцария, Германия и отчасти Италия.

Интересно отметить, что описанная система урбанистического диморфизма стала характерной для наиболее преуспевающих экономически стран. Хотя она вряд ли является обязательным условием экономического процветания – в таких чрезвычайно экономически и социально успешных государствах, как Великобритания, Франция и Япония, столицы сохраняются в приматных городах, доминирующих в большинстве сфер жизни, – экономическая успешность большинства этих стран, возможно, указывает на определенные преимущества разделения политического и экономического центров для национальной экономики и социального развития: она как будто создает условия и предпосылки для более сбалансированного развития, результаты которого не сосредотачиваются в одной точке. Публичные дебаты в Великобритании, Франции и Японии также указывают на заметное недовольство граждан этих стран доминированием одного города. Хотя эта структурная характеристика урбанистической сети может быть не только причиной, но и следствием других элементов институциональной структуры государств, она, по-видимому, дает им определенные экономические преимущества.

Другим косвенным свидетельством преимуществ разделения экономических и полити-

ческих центров может служить тот факт, что в наименее развитых странах развитие, как правило, сосредоточено в одном большом городе, который полностью доминирует во всех сферах жизни. Поэтому система разделения экономических и политических функций оказалась привлекательной для многих государств и стала моделью для подражания – прямо или косвенно – для многих модернизирующихся государств, которые переносят сегодня свои столицы. Хотя разделение политических и экономических столиц, конечно, не может предотвратить процессов коррупции, оно, по-видимому, создает определенные структурные условия для ее минимизации, о чем свидетельствует среди прочего и высокий уровень корреляции между уровнем коррупции и уровнем приматности главного города страны.

Второй важный фактор, стимулирующий эти проекты, связан с тем, что во многих государствах мира продолжают идти процессы национального строительства и интеграции. Многие страны, которые достаточно давно освободились от колониального господства, ищут новых путей национальной и социальной интеграции. Новые столицы служат в них катализаторами процессов национального строительства, а также удачными или неудачными формами балансирования интересов и идентичностей входящих в состав этих государств религиозных, этнических и лингвистических групп. Иконография и символизм новых столиц, часто связанные также с их географической локализацией, часто служат здесь конструированию новой национальной идентичности и репрезентации идентичностей, составляющих государство этносов или других групп или частей.

Третий фундаментальный аспект этой темы связан с проблематикой пространственной экономики и анализом роли приматных или доминирующих городов в различных странах. В большинстве из существующих сегодня стран приматные города являются одновременно и столичными городами. Агломерационные эффекты создают значительные экономические преимущества для приматных городов, которые связаны, прежде всего, с более высокой производительностью труда и сокращением издержек. Тем не менее существование крупных мегаполисов – особенно если они одновременно выполняют функции столицы – сопряжено также со значительными издержками как для самих этих городов, так и для национальных экономик в целом. Во многих случаях – особенно это относится к развивающимся странам – приматные города растут и развиваются в ущерб развитию и экономическому росту всего государства. Помимо чисто экономических проблем доминирующие города в стране могут становиться причиной не только экономических преимуществ, но и социальных издержек. Исследованию вопроса об оптимальной величине приматных городов, условиях, при которых такие города могут создавать преимущества или служить тормозом для развития национальных экономик, а также способах оптимизации урбанистической системы посвящены сотни работ в области экономики городов или пространственной экономики [7]. Эти работы имеют важные импликации для проблемы переносов столицы, которые далеко не всегда проговариваются. Современные тенденции безудержного роста приматных городов в десятках развивающихся стран, которые редко идут на пользу их национальным экономикам и создают новые очаги социального напряжения и разделения, говорит о том, что вопрос о смене столицы в скором времени может встать на повестку дня множества других государств, где этот вопрос в настоящее время не обсуждается.

Четвертый фундаментальный аспект связан с взаимозависимостью между политической конституцией различных государств, в частности их унитарным или федеративным устройством, и устройством и характером их столиц. Федеративное устройство государств обычно предполагает компактный столичный город, который не перегружен другими функциями. Такой город лучше отвечает форме их политической жизни и характеру отношений между составляющими государство частями федерации, ни одна из которых не должна иметь преимуществ в столичном городе. Роль и объем функций столиц оказывает непосредственное влияние на уровень централизации в различных типах федераций. Федеративность создавала особый контекст и дискурс столичности во многих состоявшихся или распавшихся федерациях – Соединенных провинциях Центральной Америки, Югославии, Объединенном

королевстве Ливии, Колумбийской федерации и других.

Наконец, следует упомянуть о важной роли столиц в процессах политических реформ. Во многих государствах радикальные политические реформы и трансформации сопровождались переносом столиц. Новые столицы становились инкубаторами новых элит, становились городами, где новое воображение создавало новую иконографию, новые символы и новый монументализм для легитимации нового политического режима. В этом смысле смена столицы находится в той же базисной системе культурно-государственных основоположений, как календарь, хронология и система письменности или правописания. Революции и глубокие реформы на Западе и Востоке часто сопровождались сменой одного или нескольких из этих основоположений. Новые политические режимы пытались изменить счет времени, язык или точку отсчета в пространстве, то есть столицу, реконструируя существующую политическую реальность. Так Французская Революция вводит новый календарь и превращает Париж в новый центр монументальной национальной идентичности [8]. Со сменой столицы были сопряжены русская и турецкая революции, Синьхайская революция в Китае и революция Мейдзи в Японии (в Китае перенос столицы в Нанкин был несколько отсрочен приходом к власти милитаристов, которые на короткое время заморозили столицу в Пекине). Махдийская революция в Судане сопровождалась переносом столицы из Хартума в Омдурман в 1895 году, а окончание революции – с возвращением столицы в Хартум в 1898.

Различные авторы представляют различные трактовки и оценки эффективности и перспектив переносов столицы – от однозначно негативных оценок и умеренного скептицизма до достаточно сбалансированных и сдержанно-оптимистических. Эти различные оценки отражают как неоднородные методологические подходы к теме, так и различные предпосылки относительно роли, функций и задач столицы. В то время как опыты переноса столиц в таких странах, как Турция, Пакистан, Бразилия, Австралия и Германия, достаточно хорошо известны (все они считаются относительно успешными), существуют и гораздо менее известные и менее удачные примеры. Наиболее проницательные авторы, которые исследовали эту тему, попытались учесть в своих оценках как положительные, так и отрицательные уроки опыта осуществленных переносов, отказываясь от однозначно позитивных или однозначно негативных их оценок.

Анализ ситуации в России – специфический характер отношений между центром и периферией, отсутствие ярко выраженных расколов по оси север-юг и запад-восток, а также достаточно уникальная для государств такой площади гипертрофированная функция столицы – и поиски разрешения стоящих проблем, безусловно, потребуют новых теоретических и аналитических подходов к этой теме. Понимание этих специфических особенностей и результаты сегодняшних дискуссий по этому вопросу будут, безусловно, интересны и востребованы как российскими теоретиками городов, так и будущими реформаторами и позволят более критически и многосторонне оценить стратегические установки и предложения, которые уже были в них высказаны.

Литература

1. Orr, Aleisha. Move over eastern states - Perth could be moving on up. WAtoday, October 26, 2012. <http://www.watoday.com.au/wa-news/move-over-eastern-states--perth-could-be-moving-on-up-20121025-287z6.html#ixzz2ebyqeIEv>
2. Россман, В. В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы (Территория будущего: Москва, 2013).
3. Corey, Kenneth. 2011. Planning and Implementing Capital Cities – Lessons from the Past and Prospects for Intelligent Development in the Future: The Case of Korea. Engineering Earth. The Impacts of Megaengineering Projects. Ed. by Stanley Brunn (Springer).
4. Schatz, Edward. 2003. What Capital Cities Say About State and Nation Building. Nationalism and Ethnic Politics, 9(4), 111-140.
5. Murphey, Rhoads. 1957. New Capitals of Asia. Economic Development and Cultural Change, Vol. 5, №. 3 (April), pp. 216-243.

6. Daum, Andreas & Mauch, Christof, eds. 2009. Berlin-Washington. 1800-2000. Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities (Cambridge University Press: NY). P.4.
7. Henderson, Vernon. 2005. Urban Primacy, External Costs and Quality of Life. Resource and Energy Economics, vol. 24, issues 1-2, 95-106.
8. Girouard M. (1985). Cities and People. New Haven: Yale University Press.
9. Rossman, Vadim. In Search of the Fourth Rome: Visions of a New Russian Capital City. Slav-icReview, vol. 72, № 3, 2013.
10. Henderson, Vernon, 2003. The Urbanization Process and Economic Growth: The So-What Question. Journal of Economic Growth, Springer, vol. 8(1), pages 47-71, March.
11. Zimmerman, Horst. 2010. Do Different Types of capital cities make a difference for economic dynamism? Environment and Planning C: Government and Policy, vol. 28, pp. 761-767.
12. Overman, H.G., Venables, A. Cities in the Developing World. CEP Discussion Papers, 2000.

Сциентистская парадигма: особенности становления и развития

Худолей С.С.

Университет машиностроения
(499) 267-16-40, Philpsy2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются условия формирования и исторической эволюции сциентистских идей, особенность места и роли науки на разных этапах социального процесса, значение для сциентизма современных научных достижений.

Ключевые слова: философия, сциентизм, позитивизм, наука, естествознание, религия, история, техника, культура, общество

Особенность сциентизма как философской и мировоззренческой парадигмы состоит в абсолютизации значения научных, прежде всего естественнонаучных достижений, а также в признании приоритета науки по отношению к другим социокультурным теориям и практикам.

Именно поэтому сциентистскому мировоззрению исторически присуща установка на такие свойства науки, как точность, объективность, доказательность, причем применимость этих свойств предполагается как в традиционной для них сфере наук о природе, так и в других областях, в том числе в социально-гуманитарной.

Для этого обстоятельства имеются веские культурные, общественно-исторические и философские причины. Некоторые из них являются предметом краткого рассмотрения в данной статье.

Выдающиеся достижения науки и открытия эпохи Возрождения, а затем и Нового времени сделали возможной эпоху Просвещения, причем не только в фактическом и историческом отношении, но и идейно - в мировоззренческом и философском плане. В свою очередь особенности времени и культуры XVIII века еще более усилили роль научных тенденций, наблюдаемых в обществе ныне и получивших в условиях современности особенное развитие и значение.

Эти тенденции можно определить как сциентистские, так как связаны они оказались со становлением, распространением и влиянием научных знаний. Наука теперь воспринимается в качестве образца, безусловного ориентира и единственно верного критерия понимания происходящих процессов в разных областях жизни общества, в том числе непосредственно не опирающихся на точное знание, математику и даже далёких от традиционно научных исследований.

Аналогичные идеи в прошлом тоже имели место – это в полной мере относится и к идеям философским, которые связаны прежде всего с изучением феномена науки и ее ведущей роли в культуре.

Так, английский философ Ф. Бэкон оказался одним из первых, кто в ранний период Но-